

ПРИЗНАНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ

Летний театральный сезон в столице был в этом году чрезвычайно богат событиями — один за другим приезжали на гастроли в Москву творческие коллективы периферии. Может быть, летние месяцы были даже несколько перенасыщены: театры-гастролеры (а среди них были коллективы интереснейшие) играли на нескольких сценических площадках одновременно, и это не могло в той или иной степени не отразиться на посещаемости их спектаклей. Однако никакие материальные затруднения не коснулись театра имени Леси Украинки: киевляне объявляли один аншлаги за другим.

Объяснить это особое пристрастие москвичей не трудно. Театр имени Леси Украинки, созданный три десятилетия назад на базе театра Н. Соловцова — одного из лучших в дореволюционной русской провинции по своим реалистическим устремлениям, — давно, еще в первые годы своего существования, завоевал популярность у зрителей. Но ведь заслужить признание — еще далеко не все. Нужно привязанность удержать, признание упрочить. Из этого испытания Киевский русский театр вышел победителем: он пользуется постоянной и, надо прямо сказать, заслуженной славой одного из наиболее крепких, уверенных в своем искусстве творческих коллективов. Уверенность эта проистекает от того, что его артисты и режиссеры умеют говорить со зрителем на языке высокого искусства.

Однако не стала ли эта уверенность в своих силах чрезмерной? Не породила ли она некоторую успокоенность в коллективе, а как следствие всякой успокоенности — недостаточную требовательность к себе, неточность в творчестве? Может быть, говоря о талантливом коллективе, и не стоило сосредоточивать особое внимание на этих частностях: ведь недостаток требовательности пока проявляется главным образом в мелочах. Но ведь досадные просчеты — то в понимании роли, то в режиссерском замысле — легко увидеть во всех или почти во всех гастрольных спектаклях. Так не может ли случиться, что эти, пока незначительные, пятнышки станут разъедать ткань уже идущих спектаклей, перекинутся и на новые постановки? Словом, не превратится ли неточность, недостаточная требовательность в опасность, которая станет серьезно угрожать театру имени Леси Украинки?

Венец исполнительского искусства коллектива — М. Романов в спектакле «Живой труп». Его Федя Протасов — бесконечно мягкий, ясный, озаренный каким-то особым внутренним светом, полон больших раздумий над жизнью. То,

что делает Романов, — совершенно. У актера тот покой, та бесконечная правда жизни на сцене, которые бывают лишь при полном и органическом слиянии исполнителя с образом.

Ю. Лавров — контр-адмирал Гранатов в спектакле «Гибель эскадры». Работа, несомненно, примечательная и опять-таки благодаря точности и определенности художественного замысла исполнителя. Напряженный, настороженный, весь, как туго завернутая пружина, Лавров — Гранатов притягивает подчеркнутой корректностью манер, холодным блеском глаз, умным расчетом, который движет всеми его поступками...

Протасов — центральный образ в спектакле; большое место отведено в пьесе А. Корнейчука контр-адмиралу Гранатову.

Артисты театра имени Леси Украинки умеют с блеском играть и роли куда менее значительные. В трех небольших работах показались в дни гастролей В. Халатов, и каждая из них была точна, филигранна по рисунку. Лишь мимикой да редкими междометиями объясняется мнимый глава благополучного буржуазного семейства Дульских — пан Дульский. Но какую выразительную фигуру бывшего кутялы, бывшего хищника, а сейчас — благообразного приживалы в доме собственной жены нарисовал артист. Он же — боцман Бухта («Гибель эскадры»), добрейший и честнейший старикан, для которого воинская доблесть — синоним жизни. И он же — полубезумный «гений» из «Живого трупа», фигура странная и страшная.

Радостно отметить, что той же уверенностью отмечено искусство и представителей более молодого поколения, смело приносящих в творчество свое знание действительности, свои мысли о жизни.

В спектакле «Годы странствий» неожиданно сильно прозвучала роль Михея Лаврухина. Молодой артист Н. Рушковский внес в толкование этого образа что-то неповторимое свое и в то же время очень близкое к характеру, созданному писателем, раскрыл в персонаже, на первый взгляд сухом и ортодоксальном, скрытую доброту, тепло, обаятельную мягкость... И Лаврухин, тот самый Лаврухин, который, как правило, не удавался исполнителям, стал действительно положительным героем спектакля.

Есть что-то жалостное в манере Люси Ведерниковой — актрисы В. Предаевич. Но чувство это вызывает не бедность души молодой женщины, а робость, застенчивость юного существа. Та же чистота взгляда на мир и у Лили Чуйко, дочери прокурора, попавшей в трагическую историю. И ее Предаевич наделяет характером сложным, трепетным. Вот девочку, совершившую свой первый в жизни мужественный поступок — выдавшую органам милиции воровскую шайку, шантажирует главарь этой шайки. Лили — Предаевич, как загнанный зверек, забила в угол, на болезненном личине смятение, от испуга даже чуть приоткрылся рот. Эти черты — наивную непосредственность, душевную чистоту и какую-то особую хрупкость — героини Предаевич не теряют, несмотря на самые сложные жизненные перипетии. В то же время актриса тонко и своеобразно рисует формирование их характеров.

В «Дочери прокурора» есть небольшая роль Пахома — бывшего фронтовика, хорошего парня. Роль эту поручили совсем молодому исполнителю Ю. Мажуге, и неожиданно образ, в пьесе несколько неопределенный, приобрел большую достоверность, стал реальной действительной силой в развитии конфликта.

Таковы роли, сыгранные в гастрольных спектаклях с большой тонкостью и достоверностью. Но только ли эти имена хочется назвать! А. Е. Опалова — пани Дульская, Е. Балиев — ее сын, В. Драга — тетя Тася, Нина — И. Павлова, Ольга — А. Смолярова, М. Швидлер — Зойка Толоконцева, жена прокурора — А. Николаева, А. Решетников — Гайдай, Д. Франько — боцман Коба и многие-многие другие...

Однако рядом с этими работами, в этих же спектаклях — роли, сыгранные неглубоко или, что еще тревожней, задуманные неглубоко...

«Не получилась» у А. Быкова в спектакле «Годы странствий» небольшая роль водителя машины — не почувствовал артист рисунка сцены, «перекачал». Есть серьезные просчеты у А. Решетникова и Т. Семичевой в спектакле «Живой труп», у А. Смоляровой в «Дочери прокурора». Слаба работа А. Анурова, не раскрывшего характера Ведерникова, неожиданно придавшего ему черты фатоватости, душевной опустошенности. Все это неудивительно — отдельные неудачи могут быть даже у самых одаренных исполнителей. Но как могло произойти, что такая опытная артистка, как В. Драга, сыгравшая тетю Тасю тонко и достоверно, так лживо «представляет» в «Живом трупе», нарочито демонстрируя то светское Карениной, то ее аристократизм? Как могла всеми искренне уважаемая Л. Карташова, еще раз доказавшая свою приверженность подлинно

правдивому искусству исполнением Анны Павловны («Живой труп»), вылететь в спектакле «Дочь прокурора» грубо-гротесковый образ Леокадии Львовны?

Ведь это — не случайные просчеты! Артисты, о которых мы говорим, — ведущие в театре, заслуженно пользующиеся творческим авторитетом. Откуда же проистекает неожиданная неровность их работы? И только ли исполнители несут за них ответственность? Ведь в театре нашем искусство актера и искусство постановщика переплелись так тесно, так взаимосвязаны, что их порой трудно отделить друг от друга. И, сокрушаясь об исполнительских неудачах в спектаклях «Дочь прокурора» или «Живой труп», не знаешь, кого упрекать — артистку Л. Карташову или режиссера М. Романова, артистку В. Драгу или постановщика Вл. Нелли?

Во всяком случае уже эти отдельные неудачно решенные образы заставляют задуматься над проблемой режиссуры, важной для театра имени Леси Украинки. Здесь сложилось крепкое ядро постановщиков, одни из которых проработали с коллективом долгие годы, другие пришли недавно. Судя по всему, у режиссуры и исполнителей — один язык, одни устремления в искусстве. И, кажется, ничто не мешает театру создавать спектакли смелые, отмеченные горячими творческими поисками. И действительно, некоторые постановки, показанные в Москве, привлекают значительностью замысла, яркостью его выполнения. Однако и в этих спектаклях то там, то здесь, то в одной сцене, то в другой проявляется неточность в режиссуре.

Так, интерес, который вызывает у зрителей «Гибель эскадры» — сложная историко-революционная пьеса, редко идущая на сцене наших театров, говорит об умении коллектива трактовать темы крупные, значительные (режиссер Вл. Нелли). Но есть в этом спектакле налет ложной театральности, внешней романтики, снижающих его эмоциональную достоверность.

Большим признанием пользуется спектакль «Живой труп». Но это, главным образом, заслуга М. Романова — исполнителя роли Протасова. Ведь если оценивать спектакль с позиций той высокой требовательности, на которую вправе претендовать театр имени Леси Украинки, нельзя не сказать, что в режиссерском подходе к произведению чувствуется элемент дидактики, а в отдельных сценах и просто недостаток вкуса.

Много труда, заботы вложил М. Романов в работу с молодежью, занятой в «Годах странствий». Но нет в спектакле той особой атмосферы, которая так характерна для пьес Арбузова и так необходима на сцене.

К сожалению, в постановках гастрольного репертуара Киевского русского театра еще часто недостает выверенности, точности выражения каждой мысли. Приятным исключением является лишь «Мораль пани Дульской» (режиссер Л. Варпаховский), где чувствуется не только ясный и крепкий замысел, но и те живые, жадные поиски, то стремление к своеобразию сценического языка, без которых немислимо подлинное искусство.

И хочется, чтобы именно эта интонация, это неустанное желание нового, еще неизведанного в творчестве явственнее слышались в работе театра имени Леси Украинки. Пусть отчетливей бьется в театре пульс творческой инициативы, пусть художники ищут, дерзают, не успокаиваются. И тогда многое в коллективе изменится, не только в актерском и режиссерском искусстве, но и в вопросах формирования репертуара.

Сейчас ничего дурного не скажешь, репертуар театра — добротный. Каждая из идущих на его сцене пьес имеет законное право значиться в афише. Но в их подборе нет прелести новизны, нет смелости первооткрываний, в сочетании не видно неповторимого и сугубо индивидуального лица коллектива. Не угадать по репертуару ни любимой мысли театра, ни особенно дорогой артистам и режиссерам темы. Правда, театр долго боролся за право иметь в репертуаре «Дочь прокурора», привлекая его остротой и смелостью постановки вопроса, горячностью, с которой Ю. Яновский разоблачал зло. Жаль, что несовершенство пьесы помешало коллективу создать на этом материале значительное художественное полотно. Не стала большой удачей и «Ложь на длинных ногах», которую театр поставил первым в стране. Не стала потому, что молодой режиссер И. Молостова не разгадала стилистических особенностей пьесы Эдуардо де Филиппо.

Когда вспоминаешь спектакли, показанные театром на гастролях в Москве, складывается ясное ощущение — коллектив не реализует всех своих возможностей. А они у него большие — недаром он пользуется таким признанием! Но ведь признание всегда обязывает.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.